

Бедный Сяо Мин

Чжэн Ивэй был искренне убежден: если съемки продлятся еще хоть немного, он точно лишится нескольких лет жизни. С самого начала, еще на этапе подготовки, всё шло из рук вон плохо.

Сюжет «Степной любви» был одновременно простым и глубоко трогательным. Главная героиня, чиновница Мэн Паньлань, по поручению партии отправляется в уезд Шадун провинции М, чтобы возглавить программу по борьбе с бедностью.

Поначалу местное население встретило чужачку с холодным недоверием и отчуждением. До неё в Шадун уже приезжали несколько подобных специалистов; пастухи послушно выполняли их указания, суетились, но в итоге экономическая ситуация в уезде практически не менялась. А новая уполномоченная оказалась еще моложе своих предшественников.

У всех в голове крутился лишь один вопрос: «Справится ли эта девчонка?»

Однако Мэн Паньлань не опускала руки. Еще до приезда она досконально изучила положение дел в уезде и была психологически готова к трудностям. Днем она на собственных ногах обходила дом за домом, вникая в нужды каждой семьи, а по ночам при свете лампы составляла детальные планы, которые помогли бы пастухам вырваться из нищеты.

Благодаря своему упорству, профессионализму и искренней доброте Мэн Паньлань не только завоевала доверие и поддержку местных жителей, но и шаг за шагом помогла им справиться с проблемой эрозии почв, выведя уезд на путь процветания. Однако непомерный груз ответственности, который она тащила на себе в одиночку, подорвал её здоровье. Мэн Паньлань скончалась от болезни в возрасте тридцати двух лет.

Получив официальное разрешение, вся съемочная группа «Степной любви» отправилась именно в те места, где когда-то трудилась Мэн Паньлань.

Но трудности начались еще с кастинга. Поскольку речь шла о реальном человеке, которого помнили и любили, любая ошибка в выборе актеров могла вызвать бурю протеста у местных жителей. К тому же съемки проходили прямо у них на глазах, и съемочная группа остро нуждалась в содействии населения. Вдобавок Чжэн Ивэй меньше всего хотел, чтобы его обвинили в неуважении к национальным чувствам или нарушении социальной гармонии. После такого клейма в киноиндустрии делать было бы нечего.

Чжэн Ивэй жил в постоянном напряжении. Ночи напролет он ворочался в постели, а в редкие часы забытья ему снились бесконечные пробы. Единственным утешением было то, что инвестором выступал Цуй Минчжэ. Режиссеру не приходилось иметь дела с бездарными «протезе», которых часто навязывают спонсоры, и это позволяло ему дышать чуть свободнее.

Но как бы ни нервничал Чжэн Ивэй, процесс подготовки нельзя было останавливать. Скрепя сердце он приступил к поиску исполнительницы главной роли. Перед его глазами бесконечной вереницей проходили актрисы. Те, кто нравился ему, не устраивали пастухов — они в один голос твердили: «Совсем не похожа на нашего Секретаря Мэн!» Те же, кто подходил по типу, не устраивали самого режиссера уровнем мастерства.

Поиски зашли в тупик. В конце концов Цуй Минчжэ пришлось задействовать семейные связи, чтобы уговорить Ли Юань — великолепную актрису, фактически отошедшую от дел, — исполнить роль Мэн Паньлань. Только после этого удалось достичь хрупкого компромисса.

С главной героиней определились, но возникла новая проблема: адаптация сценария. Сюжет должен был оставаться реалистичным, чтобы не вызвать отторжения у зрителей. Всем памяты примеры фальшивых сериалов о борьбе с бедностью, которые подвергались такой жесткой критике, что навсегда оставались на «столбе позора». Но и снимать жизнь как она есть было нельзя — без художественной обработки история не была бы достаточно динамичной и захватывающей.

Но самой большой головной болью оставался один сложный, чувствительный персонаж, на роль которого никак не могли найти подходящего актера. Режиссер и сценаристы буквально ломали головы, споря ночи напролет. На читках сценария ведущие актеры из-за нескольких реплик едва не опрокидывали столы и не швыряли стулья — дело чуть не доходило до драк. Чжэн Ивэй приходилось выступать в роли миротворца, рискуя получить по голове летящим сценарием.

«Проклятье, на старости лет приходится применять грубую силу прямо на площадке!» — сокрушался он.

Наконец, в этом хаосе удалось утвердить окончательный вариант истории. Когда съемки наконец стартовали, Чжэн Ивэй готов был прослезиться от облегчения. За эти несколько месяцев он едва не лишился рассудка. Поэтому, когда в сети поползли слухи, что сериал выйдет уже в конце года, он лишь яростно сплюнул. В конце года? Хм! Если он выйдет к концу следующего — это уже будет большой удачей.

К счастью, после начала съемок жизнь наладилась. Актеры, которых он так тщательно отбирал, оказались настоящими профессионалами. Работа спорилась, группы А и Б двигались вперед параллельно. Чжэн Ивэй преобразился: походка стала легкой, взгляд — гордым. Любой мог заметить его прекрасное расположение духа.

Однако была одна проблема. Когда вокруг одни профессионалы и всё идет гладко, у Чжэн Ивэя просыпалась его старая страсть — страсть к «дрессуре». Его неофициальное прозвище «Мастер дрессуры» появилось не на пустом месте. Режиссер был невероятно, феноменально болтлив. Он обожал поучать других.

Его никто не заставлял возиться с новичками — он делал это по доброй воле. Но он был настолько занудным, что мог объяснять один и тот же нюанс восемьсот раз кряду! Все

«старожилы» на площадке прекрасно знали об этой слабости и при первых признаках надвигающейся лекции испарялись, словно дым.

Лишь молодые актеры, еще не знакомые с его истинным нравом и ослепленные его громкой славой, поначалу смиренно внимали каждому слову, впитывая горы лишней информации вперемешку с полезными советами. Но в этот раз в группе почти не было новичков. У режиссера буквально чесался язык.

И именно в этот момент бедный Шу Сяомин попал ему под горячую руку.

— У режиссера Чжэна плохое настроение? — Шу Мин закивал, как китайский болванчик. — Хорошо! Я обязательно, непременно буду обходить его за версту!

Честно говоря, Шу Мин считал себя человеком терпеливым. В его родной деревне жил дедушка Хэ, страшный зануда, от которого все дети разбежались в разные стороны. И только маленький Шу Сяомин мог часами с важным видом играть с ним в шахматы, выслушивая бесконечные истории. Конечно, повзрослев, Шу Мин перестал заниматься подобными глупостями — дед Хэ играл отвратительно и постоянно мухлевал.

Но этот опыт доказывал: Шу Мин умел слушать. Однако он и представить не мог, что встретит достойного соперника в лице великого режиссера. Тот оказался куда болтливее деревенского деда! А главное — он злился, если его не слушали внимательно. Чжэн Ивэй обожал устраивать «внезапные проверки»: прямо посреди своей речи он мог потребовать, чтобы Шу Мин выделил главную мысль или поделился своими выводами.

«Боже, это же похлеще школьных экзаменов!» — думал Шу Мин. Учителя хотя бы следуют программе, а Чжэн Ивэй перескакивал с темы на тему, путал факты и нарушал всякую логику.

Поначалу режиссер старался сдерживаться и говорить проще. Но вскоре он с удивлением обнаружил, что Шу Мин прекрасно понимает его, даже если он выражается путано и иносказательно. Мысли творческих людей часто витают в облаках, и Чжэн Ивэй, почувствовав свободу, начал говорить так, будто бредил во сне. Уровень сложности для понимания возрос многократно.

Шу Мину приходилось предельно концентрироваться, вспоминая свою железную волю времен подготовки к вступительным экзаменам и девиз «Сто дней борьбы — я поступлю в Шоуда!». Каждый вечер, возвращаясь в отель, он чувствовал себя выжатым лимоном. Юноша без сил падал на кровать, превращаясь в «хрупкое печенье», нуждающееся в утешении старшего брата.

Чжуан Чжэн, сердце которого обливалось кровью, разминал брату затекшие плечи и ноги, то и дело предлагая:

— Сяо Шу, может, не пойдешь завтра на площадку?

В ответ Шу Мин резко вскакивал и мотал головой. Он не смел бросить режиссера, ведь его любимый конь всё еще был в распоряжении съемочной группы. Каково это — когда заложник находится в чужих руках? Шу Мин только вздыхал, обхватив колени, не смея высказать свой протест.

На самом деле Шу Мин ошибался: Чжэн Ивэй вовсе не собирался мучить его из чистого занудства. В голове у режиссера щелкали костяшки счетов — он вел свою игру. Несмотря на любовь к поучениям, он не стал бы тратить время на каждого встречного. Просто так «Мастер дрессуры» слов на ветер не бросал.

Дело было в том, что один из его учеников планировал в следующем году снимать авторское кино для фестивалей. У них никак не получалось найти исполнителя главной роли: бюджет был невелик, а требования к актеру — огромны.

Чжэн Ивэй искоса поглядывал на парня, который, сидя на низком табурете возле монитора, сосредоточенно слушал его лекцию. У Шу Мина были длинные ноги, и сидеть в такой позе в тесноте площадки было явно неудобно. Но парень не только не отвлекался, но и умудрялся вычленять самое важное из хаотичного потока режиссерских мыслей. Более того, его суждения о чувствах персонажей были глубокими и неожиданными.

Пусть Шу Мин еще ни разу не стоял перед камерой как актер, но разве не все великие начинали с нуля? Чжэн Ивэй был уверен в своем таланте наставника. «Неужели я не смогу вылепить из него актера?» — думал он, крайне довольный собой.

Он снова и снова оценивал внешность Шу Мина. Высокий лоб, глубоко посаженные глаза, прямой, гордый нос... Безупречное лицо для киноэкрана. К тому же он — абсолютный новичок, а значит, его гонорар будет скромным. Да и соображает парень быстро.

«Дорогой мой ученик, тебе несказанно повезло! Как только я закончу этот проект, я обязательно заполучу этого парня для твоего фильма», — строил планы режиссер, предвкушая успех.

Но, как известно, стоит только начать строить планы, как жизнь вносит свои коррективы.

В тот день Шу Мин, старательно жуя абрикос, размышлял: «Сегодня к Тафэну не пойду. У Чжэн Ивэя опять плохое настроение, кто знает, какими еще словесными пытками он решит меня извести».

И в этот самый миг тишину площадки разорвал яростный рев режиссера:

— Я НЕ ПОЗВОЛЮ!!!

Бедный Шу Сяомин так вздрогнул, что надкушенный абрикос выскочил у него из рук.

<http://bllate.org/book/16119/1586834>